

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПРОГРАММЕ ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (30-е — 40-е гг. XIX в.)

И. Миллер

Жестокий крепостнический гнёт составлял существо социальной жизни шляхетской Речи Посполитой. В течение XVI—XVIII вв. находилось немало передовых представителей господствующего класса, обращавших внимание общества на невыносимые условия существования крепостного крестьянства, на то, что крепостничество является язвой, которая подтачивает слабеющие силы шляхетской республики. На страницах написанного Александром Свентоховским обширного исследования по истории польского крестьянства¹ мы найдём десятки славных, известных в истории польского народа и польской культуры имён, с которыми связаны подчас печальные, подчас гневные речи о тяжкой доле миллионных масс польского народа. Однако напрасно стали бы мы искать Радищевых среди этих печальников о польском крестьянстве; их lamentации были проникнуты чувством бессилия, их программа ограничивалась лишь попытками смягчить и разжалобить своих собратьев — шляхтичей, а призывы их неизменно разбивались о шляхетский классовый и сословный эгоизм. Даже такой выдающийся деятель своего времени, как Станислав Сташиц, чьи обличения и предостережения произвели целую бурю в общественном мнении в эпоху Четырёхлетнего сейма 1788—1792 гг., когда, казалось, Речь Посполитая находила в себе силы для нового возрождения, даже Сташиц, ясно видевший, что от решения крестьянского вопроса, от готовности бесповоротно вступить на путь социальных преобразований зависит существование или гибель Польского государства, не решился выдвинуть такую программу, ограничиваясь увещеваниями и паллиативными предложениями. И это не удивительно, ибо, ведя в крестьянстве ту силу, которая может поддержать рушащиеся устои Речи Посполитой, Сташиц не был способен признать в нём также и единственную в тот момент силу, способную обновить Речь Посполитую; предостережения Сташица адресовались к той самой шляхте, которая преграждала путь прогрессивному развитию Польни.

Насыщенная важнейшими политическими событиями, озаменованная резкими переворотами в судьбах польского народа, эпоха от Четырёхлетнего сейма до восстания 1830 — 1831 гг. включительно не прошла бесследно для развития крестьянского вопроса. Мы имеем здесь в виду как законодательные акты, изменявшие положение крестьянства — среди которых важнейшим была декларированная наполеоновской конституцией великого княжества Варшавского отмена личной зависимости, — так и предпринимавшиеся представителями самого польского шляхетского общества попытки реформирования крестьянских отношений. Такие попытки выражались в производимых отдельными помещиками переводах крестьян с барщины на чинш, в появлении зачатков аренды капиталистического типа, в спорадических фактах применения на зарождающихся вотчинных мануфактурах наёмного труда и т. п. Эти немногочисленные, впрочем, новшества имели весьма ограниченное значение, но они привлекали к себе внимание, вызывали широкий резонанс во враждебно относившихся к ним помещичьих кругах. Революционная эпоха была

¹ Świętochowski A. «Historja chłopów polskich», Wyd. 2. Poznań (b. r.).

ознаменована знаменитым Поланецким универсалом Костюшко, предложениями Шанецкого в сейме в 1831 году.

Всё это свидетельствует о том, что крестьянский вопрос, оказавшийся в центре внимания польских общественных кругов после поражения восстания 1830—1831 гг., отнюдь не был чем-то новым; он имел за собой уже длинную цепь многообразных выступлений публицистического, законодательного, подчас и экономического характера. Вместе с тем ряд обстоятельств делал восстание 1830—1831 гг. переломным моментом в развитии взглядов на крестьянский вопрос. Сравнение отправных пунктов постановки крестьянского вопроса, методов его разрешения в период, предшествовавший восстанию 1830—1831 гг., и в период после поражения этого восстания убеждает нас в том, что мы имеем дело с различными, качественно отличающимися друг от друга явлениями.

Что характерно для всех попыток разрешения крестьянского вопроса, реформы аграрных отношений в период до 1831 года? Мы можем наметить три определяющих момента, общих для всех этих попыток, независимо от того, идёт ли речь о единичном факте перевода помещиком в своём имении крестьян на чинш или об имевшем общегосударственное значение Поланецком универсале, рассматриваем ли мы самую осторожную или самую радикальную из выдвинутых в этот период программ.

Во-первых, все проекты реформы крестьянских отношений исходили от представителей господствующего класса и (что особенно важно) господствующему классу они и адресовались. Все они предполагали согласие господствующего класса, согласие, которое должно было быть достигнуто силой убеждения, заложенной в самом выдвигаемом проекте, или силой обстоятельств, в которых этот проект появился. Не вопреки помещикам, а посредством помещиков — таков путь, которым шли авторы этих проектов. Мы не делаем в этом отношении исключения и для Поланецкого универсала, так как хотя этот универсал и был облечён в форму обязательного, имеющего значение закона, распоряжения диктатора, на практике исполнение его зависело от доброй воли помещиков. Имевшееся в универсале предостережение о привлечении к ответственности помещиков, которые бы («чего не ожидаю», — добавил Костюшко) противились его осуществлению, осталось лишь декларацией.

Во-вторых, все проекты эти имели в виду не коренное изменение отношений между помещиком и крестьянином, не ликвидацию феодальных институтов, а лишь определённую их реформу, видоизменение, модернизацию; они не затрагивали существа феодальных отношений. Даже наиболее прогрессивное из всех подобных выступлений, — проект, внесенный на рассмотрение сейма 28 февраля 1831 г. Яном Ольрихом Шанецким, предусматривая отмену барщины, постепенный выкуп чиншей и превращение крестьянских наделов в собственность, ограничивал предлагаемую реформу казёнными имениями. Единственный депутат повстанческого сейма, осмелившийся поставить в повестку дня крестьянский вопрос, слишком хорошо знал своих собратьев, чтобы рискнуть предложить им реформу, которая задела бы их непосредственные интересы, и придал своей программе решения крестьянского вопроса искусственно суженный характер, при котором основная и наиболее угнетаемая масса крестьянства оставалась за пределами предлагаемой реформы. Но единодушный отпор, который встретил проект Шанецкого, показывает, что заседавшие в сейме помещики достаточно хорошо понимали опасность даже такой ограниченной реформы. Содержание предлагаемых реформ в конечном счёте сводилось к сохранению феодальных отношений, к освобождению их лишь от некоторых, наиболее устарелых и одиозных сторон, нередко уже невыгодных и тягостных для самого помещика.

В-третьих, все эти попытки, не исключая (как это ни парадоксально на первый взгляд) и тех из них, которые делались в революционную эпоху, предполагали не революционный путь разрешения крестьянского

вопроса, а путь медленной и осторожной эволюции, при которой интересы помещиков охранялись бы наиболее тщательно. В большинстве случаев речь шла о «добровольных» и «полюбовных» соглашениях между помещиками и крестьянами, причём вмешательство государства в эти соглашения должно было быть минимальным. Не революционная ломка отживших институтов, а наоборот, узкая и робкая их реформа, необходимая для того, чтобы избежать революционного взрыва, — к этому сознательно или незаметно для самих себя приходили авторы предложений по крестьянскому вопросу.

Чем объясняется такое отношение к крестьянскому вопросу у наиболее передовой части шляхетского класса, отношение, которое не только коренным, принципиальным образом отличалось от взглядов демократического лагеря, но было отвергнуто и значительной частью помещиков в непосредственно следующую за 1831 г. эпоху?

Одной из причин указанного различия мы считаем то обстоятельство, что именно после 1831 г. с особенной силой начало проявляться проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство. Рассмотрение этого процесса не входит в нашу задачу, отметим только, что хотя факторы, способствовавшие ему — развитие промышленности в Польше, рост хлебного экспорта (особенно в 40-х гг.), появление железных дорог и др., — выступали весьма неравномерно в различных частях Польши, однако процесс этот выявился уже с такой очевидностью, что для значительной части помещиков старые, феодальные отношения, старые, барщинные методы ведения хозяйства уже теряли свою привлекательность. Они становились экономически менее выгодными, чем новые, капиталистические (с значительным, впрочем, сохранением феодальных пережитков) методы, основанные на применении наёмного труда, более совершенной с.-х. техники, широком использовании арендных отношений. Примером этой новой системы являлось великое княжество Познанское — классический образец прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве; результаты проведённых там в 20-х годах реформ выявились и особенно привлекли внимание помещиков других частей Польши в следующие десятилетия. Таким образом, осознание экономической выгоды и необходимости перестройки своего хозяйства, а вместе с тем и реформы крестьянских отношений наступило для большинства помещиков царства Польского и Галиции после 1831 года. То, что ранее было ясно лишь одиночкам, становится силой вещей в 30 — 40-х гг. ясным значительной части господствующего класса. Отсюда перемена степени заинтересованности крестьянским вопросом, самого характера, тона, отношения к нему помещичьих кругов.

Наряду с этим на отношение помещиков к реформе оказало сильнейшее влияние то, что опасность революционного решения крестьянского вопроса значительно увеличилась. Теперь уже не одиночки, а широкие круги помещиков начинают сознавать, что лучше поступиться частью, чем целым, что необходимо, пока ещё не поздно, реформами предотвратить революционный взрыв.

Наконец, если ранее мысль о необходимости привлечения к борьбе за независимость широких народных масс, т. е. прежде всего крестьянства, высказывалась лишь одиночками, то после поражения восстания 1830 — 1831 гг. эта идея получает всё большее распространение, становится руководящим принципом в деятельности демократических кругов, накладывает отпечаток на весь ход национально-освободительной борьбы вплоть до восстания 1863 года.

Особое значение при изучении места и характера решения крестьянского вопроса в польской публицистике 30 — 40-х годов имеет публицистика эмиграции, прежде всего демократического её лагеря. Волновали гольское общество проблемы всего свободнее, шире, оживлённее обсуждались в эмиграции, эмигрантская литература в значительной мере опре-

деляла формирование взглядов, направлений и деятельность общественных групп в самой стране. Это с особенным основанием можно сказать о демократической эмигрантской печати, которой принадлежала, мы бы сказали, духовная инициатива напряжённой идейно-политической борьбы внутри польской эмиграции. Уступая своим противникам в количестве печатных органов, находясь в несравненно худших финансовых и издательских условиях, польская демократическая печать была полна несокрушимой энергии, боевого духа, которого не доставало монархистско-аристократическим эмигрантским органам. Эти последние оказывались в конечном счёте в полной зависимости от демократической печати в выборе поля боя для идеологической борьбы; задачи и лозунги, выдвигаемые демократией, становились осью этой борьбы, и противники демократии не только бывали вынуждены вести бой вокруг таких проблем, которых они рады были бы не касаться; больше того, в ходе этой борьбы, чтобы избежать полного разгрома, им приходилось подчас принимать и самое оружие демократии, заявлять о своей приверженности ненавистным демократическим принципам ради сохранения остатков иссякавшего политического капитала, ради сохранения влияния, которое можно было бы в дальнейшей политической борьбе использовать для того, чтобы путём умелого искажения обезвредить опасные демократические идеи. Всё сказанное целиком и в первую очередь относится к крестьянскому вопросу.

Среди многочисленных в первый период демократических групп и объединений эмигрантов быстро выделилось своей организованностью, целеустремлённостью и влиянием основанное в марте 1832 г. Польское Демократическое Общество. Это Общество постепенно объединило в себе все живые, истинно демократические силы польской эмиграции и завоевало непререкаемый авторитет у демократических групп, действовавших в самой стране.

В 1836 г. завершился период организации Демократического Общества. Во главе Общества встал облечённый широкими полномочиями, избираемый, постоянно действующий коллегиальный орган — так называемая Централизация. 4 декабря 1836 г. после широкого обсуждения был принят основной программный документ Общества — его Манифест. Манифест и ряд развивающих и дополняющих его статей главного редактора Манифеста Виктора Хельтмана — многолетнего члена Централизации, бывшего, по свидетельству даже его недоброжелателей, основателем и неутомимым канцлером Централизации, главным её авторитетом по крестьянскому вопросу², — дают нам богатый материал для выяснения системы взглядов крупнейшей демократической эмигрантской организации³.

Демократическое Общество составилось из бывших участников восстания 1830 — 1831 годов. Его возникновение неразрывно связано с идеей восстановления независимого Польского государства. Для подавляющего большинства эмигрантов — бывших повстанцев — не существовало вопроса, продолжать или не продолжать борьбу за независимую Польшу, вопрос заключался в том, как продолжать эту борьбу. Для того чтобы найти правильный ответ на этот вопрос, необходимо было прежде всего осмыслить уроки 10 месяцев повстанческой борьбы, определить причины поражения, а уже затем наметить задачи, формы и методы дальнейшей борьбы. Именно определение причин поражения и стало пунктом решительного размежевания мнений.

Уже при своём возникновении Демократическое Общество ясно засвидетельствовало, что основным пороком восстания 1830—1831 гг. оно

² См. очерк *Boł. Limanowskiego «Wiktor Hełtman»* (Szermierze wolności), str. 112—177. Kraków. 1911.

³ Манифест Демократического Общества и статьи Хельтмана цитируются нами по изданию «*Demokracja polska na emigracji* *Myjatkę z pism Wiktora Hełtmana* («Biblioteka pisarzy polskich», t. XXXV). Lipsk. 1866 (в дальнейшем «*Demokracja...*»).

считает его недемократичность. В Манифесте эта мысль нашла наиболее чёткое выражение: «...неудачно избранный момент, превосходство сил противника, военные ошибки, измена некоторых руководителей, недоброжелательство и злая воля соседних держав, а тем более неполучение помощи от Франции и Англии (здесь перечисляются все те обстоятельства, которыми пытались объяснить поражение восстания противники Демократического Общества.— И. М.) — это лишь второстепенные и не имеющие принципиального значения причины её (т. е. революции.— И. М.) упадка. Главная причина бесполезности стольких усилий лежит целиком в торможении и придании реакционного направления движению, которое было торжественным проявлением национального духа, видящего свою великую миссию в гуманности. Хранители предрассудков и представители правившего когда-то сословия в первый же момент почувствовали, что их узурпации будут подорваны и уничтожены, если не будет изменено первоначальное направление революции. Поэтому, лукаво захватив кормило правления, они превратили революционное движение в простую военную кампанию, а вместо того, чтобы поднять массы и нанести удар всей мощью нации, предпочли броситься в объятия лицемерных кабинетов, просить помощи у самих соучастников убийства Польши (намёк на венскую миссию Константина Чарторыйского.— И. М.), вступать даже в переговоры с врагом; предпочли погубить дело родины, чем расстаться со своими узурпациями. Так ничтожным и контрреволюционным поведением они ослабили веру нации в собственные свои силы, остудили порыв, отвратили отвагу... Польша ещё раз была погублена не одним лишь превосходством орд захватчиков, но эгоизмом привилегированных.

Между тем первоначальные порывы народа по призыву ноябрьской революции обещали успешнейшее будущее. Неудержимое движение принесло бы несомненно свои результаты: всеобщее социальное освобождение, развитие истинно национальной войны, бесспорную победу национального дела. Народ восстал бы, как один человек, вооружился и разгромил захватчиков без чужой помощи... Ибо нет силы, которая могла бы победить и закабалить двадцатимиллионную нацию, сплочённую общей свободой»⁴.

Последние строки приведённого отрывка показывают, что Демократическое Общество было полно веры в силы своего народа, в то, что, правильно поняв ошибки прошлой борьбы, можно правильно определить, как избежать этих ошибок в дальнейшем, а это будет вернейшей гарантией успеха.

Народ не поддержал восстания 1830—1831 гг. потому, что оно утратило революционный характер, более того: ему намеренно было придано реакционное направление. В этом причина поражения, ибо широкое, всенародное движение непобедимо. Задача заключается в том, чтобы народ признал дело восстания, дело независимости своим делом. Таков исходный пункт программы Демократического Общества. Мы подчёркиваем это потому, что, как мы увидим в дальнейшем, сильные и слабые стороны выдвинутой Обществом программы социальных преобразований в значительной мере определяются её генезисом.

С идеей независимости Общество неразрывно связывало идею демократии. Этот лозунг Демократическое Общество написало на своём знамени: «Польша независимая и Польша демократическая: вот цель нашего Общества»⁵.

Необходимо указать, что, будучи по происхождению в подавляющем своём большинстве шляхтичами (чаще всего, впрочем, из мелкой, под-

⁴ «Demokracja...», str. 5. Заметим здесь, что мы всюду переводим слово «naród», «narodowy» как нация, национальный, а слово «lud», «ludowy» как народ, народный. Это, очевидно, единственный способ чётко разграничить сходные по звучанию, но далеко не равнозначные слова: польское «naród» и русское народ.

⁵ «Demokracja...», str. 10.

час деклассированной шляхты), члены Демократического Общества считали одной из своих основных задач полный отказ от «сословных предрассудков», слияние с народом и т. д. Они были искренне проникнуты духом народолюбия. Другое дело, что объективно их стремления не выходили, как правило, за рамки буржуазной демократии, а в своей тактике они оказывались робки и непоследовательны. Здесь для нас важно отметить, что выдвинутый Обществом лозунг создания демократической Польши был действительной, отнюдь не показной его целью. Эта народная демократия оказывалась на поверку, как мы увидим, буржуазной демократией в стране со слабо развитой промышленностью, в стране по преимуществу крестьянской, т. е. той формой буржуазной демократии, которую основоположники марксизма называли аграрной демократией и в которой они видели важнейшее в это время условие прогрессивного развития великих земледельческих наций Восточной Европы⁶.

Для подкрепления своих выводов Демократическое Общество не ограничило уроками последнего восстания. В своём Манифесте оно предприняло более широкий экскурс в прошлое. Ознакомление с соответствующим местом Манифеста будет нелишним для нас, ибо со взглядами Общества на прошлое тесно связана и выдвинутая Обществом программа будущей социальной реконструкции польского общества.

Расходясь с Лелевелем в ряде пунктов политической программы и по многим тактическим вопросам, Демократическое Общество вместе с тем в системе своих исторических взглядов почти полностью зависело от этого крупнейшего историка. Духом лелевелевской школы дышит вступительная фраза к исторической части Манифеста: «История доказывает, что наша родина пала не от превосходства врагов, а из-за пороков социального строя»⁷. Это положение было впоследствии присвоено историками краковской школы, провозглашено их крупнейшим достижением, а попутно и «подправлено» — речь шла уже о пороках государственного строя, прежде всего об отсутствии сильной монархической власти, и все выводы имели целью толкнуть польское общество на путь примирения с захватчиками, «органической работы» вместе с ними. Тезис Манифеста о пороках старой Речи Посполитой в полной мере сохраняет своё прогрессивное значение и революционную окраску.

Духом лелевелевской школы проникнуты и дальнейшие стрски Манифеста: «Издана на развалинах древнего гминовладства правила в Польше шляхта; издавна, сама лишь развиваясь и образовываясь, она поглотила в себе жизнь всей нации. Первоначальная национальная идея, замкнутая в узком кругу, должна была утратить свою всемогущую силу. Свобода, равенство, братство, общие когда-то всем, стали исключительной привилегией одного сословия; народная же масса, отстранённая от политической жизни, лишённая всяких прав, лишённая собственности, превращённая сама в неотъемлемую ют земли собственность, не могла иметь общей цели с правящим сословием. Интересы шляхты и интересы народа были так противоположны друг другу, как свобода и неволя, богатство и нужда. Разрыв единства, раздвоение сил нации имели естественное следствие — всеобщее бессилие. Привилегированные не хотели избавиться от него отказом от своих узурпаций, совестливым оказанием справедливости угнетённым. Польша же, не имея поддержки в доведённых до одеревенения закабалённых массах, не была в состоянии дать отпор захватчикам»⁸.

В приведённом отрывке авторы определённо следуют за Лелевелем, принимая и основные положения его исторической концепции и его терминологию. Они полностью воспринимают представление о первоначаль-

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 383.

⁷ «Demokracja...», str. 4.

⁸ Там же, стр. 4.

ном польском общинном строе (гминовладстве), проникнутом национальной идеей — демократическими принципами. В самом Манифесте не выступают достаточно чётко дальнейшие особенности построения Лелевеля, по которому после упадка древнего гминовладства новый подъём наступает в период шляхетского гминовладства, когда шляхта становится выразителем, носителем национальной идеи. Между тем представление о шляхетском гминовладстве было воспринято Демократическим Обществом. Об этом свидетельствуют следующие строки одной из статей Хельтмана: «Даже после полного закабаления народа, отнятия у него прав, собственности, гражданских и политических свобод, правящее сословие... сохранило, ибо должно было сохранить, первоначальную национальную идею... Поэтому с уничтожением демократического строя не исчезла национальная идея. Сами угнетатели народа должны были её развивать и совершенствовать». Из этого следует и дальнейший вывод: «Жизнь других наций не имеет такого прошлого, этим мы отличаемся от них. Демократия — наша врождённая, много веков назад возникшая на родной земле, веками подкрепляемая и хранимая идея»⁹. Автор сразу же, впрочем, добавляет, что демократия является вместе с тем и идеей всего современного общества.

Не будучи сами историками, деятели Демократического Общества опирались при обращении к истории на работы Лелевеля. Однако они не просто воспроизводили его положения, они акцентировали некоторые стороны концепции Лелевеля, представлявшие, очевидно, для них особый интерес и особенную ценность.

Сюда относится прежде всего подчёркивание исконности демократических идей и институтов у польского народа, что должно было не только доказать закономерность их восхождения, но и обосновать исключительную, провиденциальную роль польского народа в развитии самой идеи демократии.

Указание на первобытную общинную форму организации общества также взято из концепции Лелевеля. Из этого положения, бывшего одной из замечательных догадок Лелевеля, деятели Демократического Общества делали, однако, глубоко ошибочный вывод о необходимости возродить старую земельную общину. Ложность подобного построения была отмечена Марксом, писавшим Энгельсу 16 октября 1856 г., что у Меро-славского «Решительно выдвигается социальная революция в Польше как основное условие политической; но посредством исторической дедукции, доказывающей как раз обратное, он пытается показать, что истина — в восстановлении старой земельной общины»¹⁰. Заметим при этом, что в отличие от русских народников 60—70-х годов, заблуждавшихся в оценке существа, роли и будущего действительно существовавшей в России в то время сельской общины, польские демократы стремились возродить общину уже совершенно разрушенную, по существу исчезнувшую.

Накопец, немалую службу сослужил Демократическому Обществу весь тот добытый Лелевелем богатый исторический материал, который рисовал процесс закрепощения крестьянства, узурпации шляхтой политических прав, — все те исторические примеры, которые показывали, как сословный эгоизм шляхты становился источником бед и окончательного падения шляхетской республики. Они позволяли Демократическому Обществу уверенно говорить, что «все усилия восстановить утраченную независимость доказывают, с одной стороны, бессилие замыкающегося в себе самом сословия (т. е. шляхты. — И. М.) и его упорство в удержании захваченного, а с другой стороны, неугасшее в массах чувство свободы и готовности к борьбе по мере обращаемых к ним обещаний и надежд».

⁹ Heltman «Charakter demokracji polskiej». 1837; «Demokracja...», str. 15—16.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 159.

Это подтверждалось примером восстания Костюшки, когда «непреодолимое сопротивление шляхты социальным реформам парализовало и обратило в ничто грандиознейшее дело»¹¹, это подтверждалось и свежим примером восстания 1830—1831 годов.

Причудливое сочетание точного, конкретного исторического материализма и насквозь идеалистического понимания исторического процесса, гениальных догадок и удивительной наивности, ясного представления об ошибках прошлого и утопических рецептов на будущее — такой предстаёт перед нами историко-научная база программы Демократического Общества.

На Манифест Демократического Общества наложили отпечаток не только исторические открытия и исторические взгляды Лелевеля и не только распространённые среди польской эмиграции мессианистические веяния. В нём явственно сказывается влияние и французских буржуазных просветителей XVIII в. с их теорией естественного права и французского утопического социализма¹².

Манифест провозглашает: «Все люди, как существа одной и той же природы, имеют равные права и равные обязанности, все братья, все дети одного отца — бога, все члены одной семьи — человечества»¹³. Далее Манифест провозглашает основные принципы демократии: равенство, свободу и братство, — трактуя их с определёнными, хотя и весьма наивными социалистическими тенденциями; объявляет, что право владения землёй и всякой иной собственностью может быть признано лишь за трудом.

Надо отметить, что проводившаяся по Манифесту дискуссия показала, что большинству членов Общества были чужды социалистические идеи. Многие вполне основательно указывали, что социализм находится в резком противоречии с выдвинутой Обществом программой социальных преобразований, основывавшейся на признании незыблемости принципа частной собственности. Однако в окончательной редакции Манифеста (возможно, из-за недосмотра) остался ряд противоречащих этому принципу мест, в том числе и заявление, что земля и её плоды принадлежат нации¹⁴.

Централизация скоро обратила внимание на это противоречие, тем более что Манифест подвергся резкой критике со стороны социалистических групп «Грудзёндз» и «Умань», руководимых Станиславом Ворцелем. Ответом на эту критику явилась написанная в том же 1836 г. Хельтманом статья «Принципы польской демократии», направленная против социализма. В этой статье Хельтман пробует с сомнительным успехом интерпретировать указанные места Манифеста, доказывая, что они ничего общего не имеют с социалистическими формулами. Сторонников коллективной собственности обвиняет в стремлении к присвоению плодов чужого труда, ставя их на одну доску с эксплуататорами. Хельтман выдвигает тезис: «Человеку безразлично — кто нарушает его независимое естество, отдельные ли люди или само общество», — и заклю-

¹¹ «Demokracja...», str. 4.

¹² Как отмечал Лимановский («Stanislaw Worcell», Krakow. 1910, str. 123), особенно близко было польским демократам учение социалиста-утописта Бюше, носившее религиозную окраску.

¹³ «Demokracja...», str. 7. Один из руководящих деятелей Общества, Войцех Дараш, говорил, что свои взгляды он выводит из «Декларации прав человека» французской революции конца XVIII в. (Falkowski J. «Wspomnienia z 1848 i 1849», str. 155. Poznań. 1879).

¹⁴ «Demokracja...», str. 7. См. также J. Alcyta «Wypadki w 1846 r. Wizerunki polityczne dzieł państwa polskiego», t. II; Polska w kraju i za granicą od 1831 do 1848 r. Zbiór dokumentów z tych czasów jako materiałów do historii politycznej narodu polskiego, wydany przez Leona Zienkowicza («Biblioteka pisarzy polskich», t. XXIX), str. 151. Lipsk. 1864.

чает из этого, что «коллективная собственность является всеобщим грабежом»¹⁵.

Воюя против социалистов, Хельтман одновременно выступил и против лозунга национализации земли, лозунга, вполне осуществимого в рамках буржуазной революции. Хельтман с возмущением писал: «Мы не понимаем, почему именно земля может быть изъята из этого общего правила»¹⁶. (Речь идёт о принципе: результаты труда человека — его собственность.) Нет сомнения, что выдвижение лозунга национализации земли в качестве одного из первоочередных лозунгов будущей революции было бы опасной ошибкой, пренебрежением теми реальными условиями, в которых эта революция должна была развиваться. Но вместе с тем решительный отказ от национализации земли, отказ по принципам и основным мотивам, объявление национализации социалистическим лозунгом (а что от социалистов, то от лукавого) было несомненной ошибкой Демократического Общества.

В дальнейшем нам придётся говорить, почему Демократическое Общество, в котором, как мы видим, вначале налицо были некоторые социалистические тенденции, столь поспешно и резко отшатнулось от социализма. Заметим сейчас, что своего осторожного и холодного отношения к социалистическим, а затем к коммунистическим теориям Демократическое Общество не изменило и позже. Вступивший в 1846 г. в состав Общества и ставший бессменным членом её Централизации Ворцель в значительной мере сохранил свои старые социалистические убеждения, однако он принял и в своих выступлениях отстаивал программу Общества, не пытаясь её изменить¹⁷.

Итак, мы выяснили, что, стремясь к восстановлению независимости родины, значительная часть эмигрантов — участников восстания 1830—1831 гг. — осознала важнейшую причину поражения восстания и сумела сделать из этого правильный вывод, поняла, что независимость Польша может обрести лишь на демократическом пути, и приняла принципы демократии, организовав для борьбы за распространение и окончательную победу этих принципов Демократическое Общество. Какова же была конкретная программа социальных, экономических и политических преобразований, которую выдвинуло Общество?

Первая формулировка таких задач была дана в воззвании Общества к гражданам-солдатам, изданном 12 сентября 1832 года. В воззвании писалось: «Бог дал землю для всех людей, но особенно для тех, кто на ней трудится... Крестьянам принадлежит по праву собственности та земля, которую они обрабатывают; освобождённые от барщины и иных повинностей в отношении панов, они смогут хорошо обрабатывать землю и не будут бедны. Им надлежит также... участие в законодательстве»¹⁸. Если формулировка эта не оставляет никаких сомнений в том, что Общество высказывается за отмену барщины и иных повинностей (хотя здесь ещё не говорится ничего о том, на каких условиях эта отмена должна быть произведена); то в отношении права собственности крестьян на землю ясности нет. Что подразумевается здесь под «той землёй, которую обрабатывают крестьяне»? Крестьяне обрабатывают землю, находящуюся в их распоряжении, и землю помещика. Означает ли приведённая формулировка, что Общество высказывается за передачу крестьянам помещичьей земли? Нет, не означает. В этом нас убеждает не только

¹⁵ H e l t m a n «Zasady demokracji polskiej». 1836; «Demokracja...», str. 26—28.

¹⁶ «Demokracja...», str. 29.

¹⁷ См. L i m a n o w s k i «Stanislaw Worcell», str. 12. В своей речи на берлинском процессе 1847 г. Мерославский от имени Демократического Общества заявил: «Мы трудились для революции, а не для анархии», подразумевая под последней коммунизм («Demokrata polski», 18/I 1848).

¹⁸ Цитирую по статье Хельтмана «Demokracja na emigracji». II. 1840; «Demokracja...», str. 73 и по книге Ś w i ę t o c h o w s k i e g o. Указ. соч., стр. 277.

общий тон воззвания, но и более тщательное рассмотрение приведённого отрывка. Вряд ли потребовалось бы объяснять крестьянам (в данном случае — эмигрировавшим солдатам польской повстанческой армии), что, получив все помещичьи земли, они «не будут бедны». Фраза «смогут хорошо обрабатывать землю» в случае освобождения от барщины, очевидно, предполагает, что освобождённым от барщины крестьянам придётся обрабатывать меньшее количество земли, чем они обрабатывали раньше, т. е. труд, а следовательно, и собственность крестьян не будет распространяться на помещичьи земли. Таким образом, говоря о праве собственности крестьян на ту землю, которую они обрабатывают, Демократическое Общество имело в виду лишь те земли, которыми крестьяне владели. С другой стороны, из утверждения воззвания, что эти земли «принадлежат крестьянам по праву собственности», мы можем сделать вполне основательное предположение, что Общество имело в виду предоставление права собственности крестьянам на земли, которыми они владеют без каких-либо дополнительных условий, т. е. без выкупа или иного вознаграждения в пользу помещиков, без «отрезков» и т. п. Нужно отметить, однако, что во всей формулировке ещё чувствуется нечёткость, неопределённость лозунгов, это первый эскиз будущей программы, сделанной ещё неопытной и неуверенной рукой и вызывающей сомнения и различные толкования. Краткой и не вполне точной является также и соответствующая часть Манифеста: «Первым лозунгом в бою должно быть раскрепощение¹⁹ народа, передача ему отнятой у него земли в неограниченную собственность, возвращение прав, призывание к пользованию благами независимого существования всех без различия вероисповедания и происхождения»²⁰.

Здесь мы видим пункт политического характера, декларирующий установление демократических гражданских свобод, пункт, касающийся не только крестьянства, а в определённой части («без различия вероисповедания») менее всего относящийся к польскому крестьянству. Два других пункта целиком относятся к крестьянскому вопросу. Один в общей форме декларирует раскрепощение, т. е. отмену феодальных институтов, этот пункт вряд ли может вызвать различные толкования. Зато второй пункт вновь ставит нас в тупик: «передача народу (т. е. крестьянству) отнятой у него земли в неограниченную собственность». Какая земля имеется в виду: фольварочная земля, совершенно отнятая у крестьянина, или же только крестьянские наделы, в отношении которых узурпация ограничилась лишь правом собственности, оставив крестьянина фактическим владельцем земли? Текст Манифеста не даёт нам ответа на этот первостепенной важности вопрос. Однако не только позднейшее толкование Манифеста, но и известные нам мнения в период его обсуждения (см., например, ниже о реферате Ворцеля «О собственности») убеждают нас в том, что авторы Манифеста имели в виду лишь те наделы, которыми фактически владеют крестьяне. Такая нечёткость формулировки, объяснимая в раннем воззвании, адресованном к тому же крестьянам и стремившаяся соответственно к максимальной популярности, может вызвать лишь серьёзное недоумение, когда мы встречаем её в таком ответственном, программном документе, каким является Манифест, документе, принятом после длительной дискуссии. Есть ли это результат поспешности и небрежности редактирования, которую нам приходилось уже отмечать выше, или это сознательная недомолвка, сделанная для того, чтобы допустить различные толкования? На первый взгляд возможность сознательной недомолвки представляется менее вероятной. Ведь дискуссия по Ма-

¹⁹ За отсутствием точного русского эквивалента мы переводим обычно так слово «usatowolnienie». В дальнейшем мы не оговариваем подобных мест. Также не оговариваем мы и передачи слова «uwłaszczenie» списательными оборотами: «предоставление крестьянам права собственности», «превращение крестьян в собственников» и т. д.

²⁰ «Demokracja...», str. 11.

нифесту имела широкий резонанс, современники привыкли уже видеть за фразами Манифеста ряд поясняющих его выступлений, и их внимание не фиксировалось на двусмысленности провозглашённого в Манифесте лозунга. Воздержимся, однако, на время от окончательного суждения. В целом можно сказать, что выдвигаемая Манифестом положительная программа отличается чрезвычайно общей формой, она не конкретизирована, по существу и её можно назвать лишь наброском программы, но не программой в полном смысле слова.

Наиболее развёрнуто программа Демократического Общества была сформулирована Хельтманом в 1840 г. в статье «Гарантии для народа»:

«Для духовного раскрепощения народа: отмена неволи, зависимости, повинностей; отмена всех привилегий происхождения шляхетства, титулов князей, графов, баронов; отмена прав, создающих различие в возможностях исполнения общественных функций и тех, которые дают преимущество одному вероисповеданию перед другим; словом, ликвидации всякой, будь то действительной, будь то фиктивной, зависимости одних лиц или классов, или корпораций от других; а вместо этого провозглашение обширнейшей, полной личной свободы, уравнивание перед нацией всех нынешних сословий, равное и одинаковое для всех право на занятие должностей; равное и одинаковое для всех правосудие; равная опека для всех религиозных культов; словом, гражданское, политическое и религиозное равенство; для материального раскрепощения: аннулирование прав владения, являющихся узурпациями; отмена барщины, чиншей, даней, помочей, даров, пропинации и всех иных поземельных тягот; отмена всякого рода монополий и торговых и ремесленных привилегий; а вместо этого превращение в собственников земледельцев, раскрепощение труда и даже, насколько это будет возможно, его организация — всё это при первом призыве: к оружию! может, а следовательно, и должно быть торжественным актом объявлено и введено в жизнь»²¹.

Перед нами широкая программа демократических преобразований: отмена феодальных институтов, утверждение максимума буржуазно-демократических свобод, даже робкое намерение «организовать труд». И вновь на вопрос, что же получают крестьяне, которых надлежит превратить в собственников, мы получаем двусмысленный ответ: «Аннулирование прав владения, являющихся узурпациями». Но какие же права суть узурпации и какие — нет?

Повторное спотыкание Общества каждый раз на том же вопросе свидетельствует о том, что мы имеем дело не со случайной оговоркой, не с простой неточностью. Неточность, повторяемая в течение ряда лет по серьёзнейшему принципиальному вопросу, не может быть случайностью.

Для решения этого вопроса нам следует рассмотреть всю совокупность высказываний ведущего теоретика Демократического Общества, особенно в крестьянском вопросе, Хельтмана.

В изданной Центризацией по поводу дискуссии по Манифесту брошюре была помещена статья Хельтмана «Средства польской демократии» написанная в 1836 году. В этой статье отмечается, что первое место среди этих средств занимает «возвращение народу захваченной у него собственности»²². Эту формулировку Хельтман употребляет неоднократно. Она четочна, по вкладываемому в неё содержанию правильнее было бы сказать: возвращение крестьянству захваченного у него права собственности на те земли, которыми оно владеет.

Почему такое значение придавалось этому средству? В цитированной выше статье «Гарантии для народа» Хельтман пишет: «Разбирая вышперечисленные средства, мы особо выделяем одно, столь соответствующее положению Польши, столь лёгкое для осуществления... что

²¹ Heltman «Rekojmie dla ludu». 1840; «Demokracja...», str. 160—161.

²² Heltman «Srodki demokracji polskiej». 1836; «Demokracja...», str. 32.

сознательно его обходить значило бы совершить преступление по отношению к Польше. Мы говорим здесь о предоставлении собственности (т. е. права собственности. — И. М.) той части крестьянства, которая ныне отбывает барщину или платит чинш с обрабатываемой ею земли. Одним лишь этим средством около 7 миллионов человек, не имеющих сейчас никакой собственности, сразу превратится в собственников, имеющих землю, движимость, дом и весь хозяйственный инвентарь, а это именно то, что помимо свободы их более всего интересует. Это будет для них наиболее осязаемое (ибо материальное) доказательство, что руководящая идея восстания совершенно отлична от тех, которые руководили прежними восстаниями.

Поэтому можно сказать, что превращение этого класса в собственников является жизненным условием всех гарантий, а тем самым жизненным вопросом восстания. Без него все иные гарантии были бы ничем...»²³.

Итак, передача крестьянам, владеющим землёй, права частной собственности на эту землю как одно из наиболее лёгких, осуществимых в первый же момент восстания, и в то же время как одно из наиболее действенных средств привлечения народных масс к восстанию. О том, что средство это рассматривается исключительно с тактической стороны, что оно отнюдь не исчерпывает программы Общества по крестьянскому вопросу, говорит следующее высказывание:

«Обратим прежде всего внимание на разницу между окончательной организацией страны и временной её организацией, использованной как средство для привлечения национальных сил. Возвращение народу захваченной у него собственности, возвращение ему политических и гражданских прав, отмена многочисленных тягот, которые его угнетают, словом, всё то, что может быть осуществлено уже в первый момент восстания, не есть для нас цель, но лишь политическое средство, вытекающее из наших принципов, вернейшая гарантия для масс, что дело независимости будет их делом, а не только, как это было до сих пор, делом одного только класса»²⁴.

Нет сомнения в том, что превращение восстания с первых же шагов в широкое и массовое было серьёзнейшей задачей Демократического Общества; нет сомнения также, что избранное для этого средство действительно было одним из наиболее эффективных, оно могло послужить мощным толчком к развёртыванию крестьянского движения. Формулировка этой задачи и выбор средства для её разрешения были значительным успехом Общества.

Как же формулирует Хельтман дальнейшие задачи? Что должно повести революцию на новый, более высокий этап? Какова должна быть окончательная организация общества? И здесь мы наталкиваемся на настоящее отступление: «Осуществление полной справедливости, охватывающее новое построение всех отношений общежития, а тем самым и собственности, может дать лишь окончательная организация уже независимой страны. Эта организация есть для нас цель, которой мы посвятим все усилия. Призывая массы к оружию, не время разбирать основательные и бесосновательные претензии лиц, бывших до сих пор собственниками земли, или выкупать землю..., не время мерить земли, освобождать в соответствии с определённым минимумом от общественных повинностей; либо выделять каждому столько земли, чтобы доход с неё был достаточен для осуществления права равенства. Всё это не может быть осуществлено в момент восстания и должно быть отнесено к окончательной организации».

²³ «Демокрасја...», стр. 161—162.

²⁴ Там же, стр. 32.

Перспектива поистине безотрадная. После освобождения страны, упорочения независимости начнётся окончательная организация, и эта организация будет заключаться в разборе претензий прежних собственников крестьянской земли, претензий основательных и неосновательных. Но если предполагается, что претензии эти могут быть основательны, то, очевидно, они будут удовлетворяться, и естественно, за счёт крестьян. Чтобы устранить всякие сомнения, далее говорится о выкупе. Мало утешительно звучат предположения о каких-то перемерах земли, освобождении от общественных повинностей или наделении землёй, чтобы «доход с неё был достаточным для осуществления права равенства (!)». Автор, не высказывая своего отношения к тому или иному из этих положений, становится в позицию лица, которому не надлежит предпринимать эти вопросы. Картина, нарисованная Хельтманом, такова: в момент восстания крестьяне получают право собственности на свою землю, но после того, как их руками будет добыта победа, вопрос об этой земле или по крайней мере об условиях, на которых она передаётся, будет вновь рассматриваться, причём Демократическое Общество воздерживается от ясного и недвусмысленного определения своей позиции по отношению к такой перспективе.

Где же та цель, к которой стремится Общество и которой оно «посвятит все усилия»?

В дальнейшем Хельтман уже без недомолвок высказывается против всякого вознаграждения помещиков за отказ от крестьянских земель; «Предоставление собственности, чтобы оно дало желательный результат, должно быть безусловным и осуществлено в первый момент общего движения. Если оно будет простым обещанием, то народ, не верящий обещаниям, не восстанет; если будет обусловлено каким-либо видом вознаграждения нынешних владельцев, можно не сомневаться в том же результате. Первое понятно само собой, для убеждения же во втором достаточно подумать о том, что всякое условие отняло бы у этого акта важнейшее его качество — великого, национального, всеобщего акта справедливости, а тем самым лишило бы его всякого очарования. По самой же сути тяжесть вознаграждения всегда пала бы непосредственно или скрыто на народ, а его здравый разум, подстёгиваемый ещё недоверием, легко бы обнаружил расставленные ему сети»²⁵.

Таким образом, пусть при помощи аргументации чисто тактического характера, Хельтман приходит к выводу о необходимости предоставить крестьянам право собственности на их земли без какого-либо вознаграждения.

Однако этим крестьянский вопрос ещё далеко не исчерпывается. Это ясно и Хельтману: «Хотя мы считаем возврат народу отобранной у него собственности наиболее действенным средством развязывания национальных сил, однако это средство не охватывает всех классов нашего народа, а тем самым может привести в движение не все ещё силы. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на статистику Польши. В конгрессовом Королевстве класс, занимающийся земледелием (!), составляет около 3 млн. человек, из них класс землевладельцев охватывает только 160 тыс. человек, остальные собственности не имеют. Но из этих остальных только 1500 тыс. хозяев и чиншевиков, а 1300 тыс. подёнщиков и др., которые не имеют сейчас даже чужой земли. Кроме того класс не занимающихся земледелием составляет около $\frac{1}{4}$ населения.

Какими действительными средствами заинтересовать всю эту массу, это будет, с одной стороны, предметом постоянных трудов Общества, с другой — заботой тех наших братьев на родине, которые примут нашу идею. Сейчас мы можем указать лишь главные основы заинтересования, вытекающие из наших принципов. Раскрепощение народа, возврат ему всех

²⁵ «Demokracja...», str. 162.

прав и захваченной собственности без всякого вознаграждения; призвание к пользованию благами независимого существования всех без различия вероисповедания и происхождения; словом, совестливое предоставление угнетённым справедливости в первую же минуту восстания — вот средства, которые легко развить, сообразовать с временем и обстоятельствами»²⁶.

Разумеется, освобождение от барщины и прочих повинностей было облегчением для всех категорий крестьянства, но трудно без иронии говорить о «призвании к пользованию благами независимого существования» безземельных крестьян и батраков. Остаётся лишь констатировать, что вопрос о наделении землёй безземельных крестьян совершенно ещё не был решён Демократическим обществом в 1836 году. Увы, этот «предмет постоянных трудов Общества» не получил прямого ответа и в 1840 году.

«Предоставление собственности остальным жителям, занятым земледелием, не столь легко осуществить. Оно может и должно быть провозглашено как принцип, но если обстоятельства не позволили бы его осуществить в процессе революции, сам факт предоставления собственности половине крестьянства будет для другой половины серьёзной гарантией, что по устранении внешних помех справедливость распространится также и на остальных»²⁷.

Впрочем, было бы несправедливо сказать, что в приведённой цитате мы не находим ничего нового и любопытного. Наделение безземельных землёй, как намекает автор, не исключено и в процессе революции, во всяком случае, оно должно быть провозглашено в принципе. В случае если оно не будет совершено в процессе революции, то черёд его придёт после устранения внешних помех. Каковы «внешние помехи», мешающие наделению землёй безземельных? Это не внешний враг, ибо он может помешать любому, не только этому мероприятию. Во всяком случае, это не только внешний враг. Не нужно было, разумеется, четырёх лет для того, чтобы определить, как, за чей счёт может быть наделена землёй громадная масса безземельных. Для осуществления этой громадной задачи никак не могло бы хватить национальных имуществ, т. е. фольварков, казённых имений, как это предполагалось в некоторых выступлениях. Любое обещание наделения землёй безземельных должно было предполагать ликвидацию или, по крайней мере, сокращение помещичьего землевладения. Это была проблема значительно более трудная, чем объявление собственностью фактически принадлежащих крестьянам земель.

Мы полагаем, что именно этой перспективой необходимости решить вопрос о наделении землёй безземельных крестьян за счёт помещиков и объясняется та неясность формулировок в отношении «отнятой у народа земли», «аннулирования прав владений, являющихся узурпациями» и т. п., которая отмечалась нами ранее. Неизбежность постановки вопроса о переделе фольварочных земель, которые (и это было ясно деятелям Демократического Общества) являются также узурпированными землями, принуждала отыскивать формулировки, которые, с одной стороны, не были бы гарантией неприкосновенности помещичьих земель, а с другой — не были бы и прямой постановкой вопроса об их переделе. На причинах этого нам предстоит остановиться далее.

Подведём некоторые итоги.

Мы говорили, что возникновение программы Демократического Общества по крестьянскому вопросу тесно связано с борьбой Общества за восстановление независимости Польши. Проведённое рассмотрение основных программных документов Общества позволяет нам уточнить этот вывод. При всём том значении, которое Демократическое Общество придавало крестьянскому вопросу, оно, вольно или невольно, сознательно

²⁶ «Demokracja...», стр. 35—36.

²⁷ Там же, стр. 163.

или бессознательно, подчиняло решение этого вопроса планам воссоздания Польского государства.

Выдающееся значение крестьянского вопроса для Демократического Общества заключалось в том, что именно крестьянство должно было стать основной силой, осуществляющей эти планы. Между тем, несмотря на преданность деятелей Общества принципам демократии, несмотря на то, что лозунг Общества был «Всё для народа и благодаря народу» (*przez lud*)²⁸, Общество не чувствовало себя частью этого «*ludu*», оно было принуждено искать «средства за интересования народа»²⁹, говорить о «гарантиях для народа, что дело восстания будет его делом»³⁰.

Именно в плане «заинтересования», в плане чисто тактическом рассматривало Общество свою программу по крестьянскому вопросу. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ней фиксировались лишь те мероприятия, которые можно и надлежит приурочить к первому моменту восстания. Общество ясно сознавало, что эти мероприятия отнюдь не исчерпывают интереса, но из года в год откладывало развитие программы, оставаясь попрежнему вооружённым лишь планом действий на первом этапе борьбы, не пытаясь определить, какова должна быть та окончательная организация государства, которую Общество само называло своей целью.

Было бы несправедливо недооценивать громадное политическое значение программы Демократического общества. Здесь мы должны прежде всего отметить радикальную бескомпромиссную постановку вопроса о барщине, её модификации — чиншах и всех видах крестьянских личных или так называемых «реальных» повинностей. Общество выдвинуло лозунг полной, немедленной и безвозмездной ликвидации всего этого феодального бремени, давившего польское крестьянство. Замечателен даже самый тон, в каком этот лозунг выдвигался. Надо мысленно перенестись в ту эпоху, отдалённую всего несколькими годами от провала значительно более робкого и ограниченного проекта Шанецкого, чтобы по достоинству оценить ту решительность и непреклонную уверенность, которой прсникнуто это выступление. Это был истинный голос грядущей демократической революции, и он приковывал к себе умы её сторонников и её врагов.

Велика была заслуга Общества и в формулировании того первоочередного мероприятия, которым должна была начать свою деятельность революционная власть, — признания крестьян собственниками принадлежащей им земли без какого-либо выкупа или вознаграждения в пользу помещиков. На место феодального представления о собственности должно было прийти буржуазное право полной и неограниченной частной собственности, возвещая окончательную гибель феодальных отношений.

Нет сомнения, что осуществление такой программы было бы крупнейшим прогрессивным актом, избавлявшим крестьянство от многих лет мучительного и разорительного изживания феодального наследия, как это в действительности было позднее в Галиции и Царстве Польском.

С другой стороны, Демократическое Общество само видело неполноту своей программы и несколько раз подходило к постановке вопроса о наделении землёй многочисленных групп безземельного крестьянства. Этот вопрос, однако, так и не получил разрешения. Причина этого, разумеется, кроется не в том, что деятели Демократического Общества не знали, за счёт кого и как произвести это наделение. Предложения такого рода вносились не раз. Из них наиболее радикальным было предложение секции Авиньон во время дискуссии по Манифесту: «Необходимо, чтобы

²⁸ Манифест «*Demokracja...*», str. 9.

²⁹ Там же, стр. 32.

³⁰ Название изданной Централизацией брошюры Хельтмана — «*Rozbiór kwestyi: Iakie ludowi zlyze rękojmie, iż sprawa powstania jego będzie sprawą?*»

вся земля Польши, при первой же возможности изъятая из рук экспроприаторов, была бы единовременно и навечно разделена среди всего польского народа и издавна осевших в Польше — кроме заведомых изменников и захватчиков — для каждой самостоятельно живущей семьи»³¹. Однако ни это, ни подобные ему предложения не были приняты или, в всяком случае, их не осмелились провозгласить.

Истинной причиной этой непоследовательности в крестьянском вопросе было стремление не оттолкнуть помещиков крайними революционными лозунгами, радикализмом в лагерь противников национального дела, врагов польской независимости.

Демократическое общество неоднократно и в весьма резкой форме выступало против либеральной шляхты, которая, заявляя о своём согласии с отменой феодальных повинностей и передачей крестьянам права собственности на принадлежащие им земли, требовала вознаграждения для помещиков. В вопросе о вознаграждении помещиков Общество видело водораздел между истинными защитниками народа и лицемерами³². В своей критике либеральной шляхты Общество приходило к сознанию того, что шляхта, как сословие, враждебна демократии³³, что она «не может сотрудничать с народом... ибо должна была бы самораспуститься, расстаться со своими привилегиями и узурпациями, т. е. принести жертву, на которую ни одно господствующее сословие никогда не было способно»³⁴. Эта мысль подкреплялась ярким примером позиций французского дворянства в период Великой буржуазной революции.

Казалось бы, Общество стояло на правильном пути, подходило к правильной оценке роли помещичьего класса в будущей революции и должно было сделать на основании этого соответствующие выводы. Между тем оно этого не сделало.

Общество оказалось скованным представлением, что для того, «чтобы восстание собственными силами могло удасться, нужно привести в движение все элементы, образующие польское общество, использовать все его моральные, умственные и материальные силы... Ни один только народ, ни одна только шляхта не имеют в себе всех сил. Их сотрудничество является поэтому необходимым, обязательным условием»³⁵.

Получался своего рода заколдованный круг: с одной стороны, сотрудничество шляхты с народом признаётся необходимым, с другой же — оно невозможно. Выход из этого надуманного, в действительности не существовавшего противоречия лидеры Общества видели в том, что «для каждого поляка достаточно сознания, что без всеобщего раскрепощения и предоставления собственности народу нет Польши, ибо это единственные средства подъёма до высшей ступени национальных сил. Это сознание, в течение нескольких лет неустанно расширяемое и с каждым днём всё более распространяющееся, проникает всё большую массу шляхетского сословия. Демократия имеет право рассчитывать на них»³⁶. Таким образом, вера в приверженность шляхты национальным идеалам приводила Общество на практике к отказу от единственно правильного понимания враждебности шляхты как класса демократическим преобразованиям.

Следствием этого явилась порочная в самой своей основе установка — «единственное средство спасения родины в слиянии всех классов нашего общества в единое целое»³⁷. Цитата эта, взятая из статьи, опу-

³¹ Цит. по Świętochowski. Указ. соч., стр. 279.

³² «Demokracja...», str. 71—72, 162.

³³ Heliman «Szlachta i rewolucja». 1843; «Demokracja...», str. 132—134.

³⁴ «Demokracja...», str. 38.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 135.

³⁷ Heliman «Zniesienie pańszczyzny w Galicji». «Dziennik Stanisławowski» № 9, 30/IX 1848. Цит. по «Demokracja...», str. 167.

бликованной в сентябре 1848 г., показывает, между прочим, что и в 1848 г. польская демократия продолжала обманывать себя иллюзиями единства национальных интересов всех классов польского общества.

Не затрагивая в настоящем исследовании другие области программы Демократического Общества, в том числе и его взгляды на национальную проблему, мы не должны, однако, забывать, что, говоря о восстановлении независимости Польши, польские демократы неизменно имели в виду воссоздание польского государства в границах старой Речи Посполитой и рассматривали (во всяком случае до 1848 г.) всё населенные территории до Днепра, Сожа и Западной Двины как польское. Об этом свидетельствует, между прочим, и постоянное определение численности польского народа в 20 миллионов человек, что в то время соответствовало отнюдь не числу поляков, а численности всего населения на территории, входившей в состав Речи Посполитой до разделов. Таким образом, Демократическое Общество не только стремилось опереться одновременно и на крестьянина и на помещика, но хотело также поднять на борьбу за восстановление польского государства мнимых польских, в действительности же украинских, белорусских и литовских, крестьян в союзе с угнетавшими их польскими помещиками.

Выдвигая лозунг гармонии национальных интересов, Демократическое Общество в своей программе останавливалось на полпути, чтобы не оттолкнуть от движения шляхту, отказываясь от выдвигания наиболее задевающих её интересы лозунгов.

Обратим внимание ещё на одно обстоятельство. Исходя из правильного в основе своей положения, что крестьянство нуждается в руководстве, что оно неспособно самостоятельно разрешить задачи демократической революции³⁸, Демократическое Общество делало серьёзнейшую ошибку: оно не только считало возможным искать таких руководителей среди шляхты, но и способствовало своей ограниченной программой тому, что во главе движения часто оказывались попутчики из рядов шляхты. Этим попутчикам были чужды задачи буржуазно-демократической революции, они могли принять имя «демократов» лишь потому, что демократическая программа была искусственно сужена, ограничена ради того, чтобы стать приемлемой для определённых кругов шляхты. Нечего говорить о том, что перед лицом действительно развернувшегося движения все условные наименования и маски спадали и подобного рода «демократы» оказывались предателями движения, перебежали в лагерь его врагов. Так было в 1846 г. с одним из членов самой Централизации Демократического Общества Яном Альциатой, таков был в 1848 г. «демократизм» Леона Жевуского и подобных ему либеральных магнатов; немногим отличались от них столпы галицийского национал-либерализма Францишек Смольска и Флориан Земьялковский.

Ограничение демократической программы наносило, таким образом, двойной вред движению, не только лишая его перспективы, сужая его задачи, подрывая его массовую базу, но и способствуя засорению руководства демократического движения чуждыми ему элементами.

Особенно разительно выступают слабые стороны программы Демократического Общества, когда мы знакомимся с методами, которыми она должна была осуществляться. «Заявляем, наконец, — гласят заключительные строки Манифеста, — что нам далека мысль насилий и поджигательства в собственной стране. Не с мечом архангела, но с книгой «стечественной истории в руках мы будем объявлять, с одной стороны, угнетённым, что ни божественные законы, ни вековое человеческое насилие не обязывают их оставаться долее в нужде и унижающей человеческое достоинство неволе; с другой стороны, пробуждая то же самое чувство извечной справедливости, приводя те же самые исторические

³⁸ «Demokracja...», str. 38.

воспоминания, мы не перестанем призывать наследников шляхетских узурпаций и предрассудков во имя их собственных интересов, во имя современного просвещения, а особенно во имя (волшебное для всех нас) любви к родине возвратить народу отобранные права. Не знаем, чувствовали ли справедливости в одних, нетерпеливости ли и обманутые надежды других будут знаменем освобождения Польши»³⁹.

Руководители Демократического Общества сами себя убеждали не всегда правильными примерами недавнего прошлого в том, что шляхта, не выступавшая ранее с оружием в руках против революции или реформ и ограничивавшаяся лишь пассивным протестом (Хельтман явно не хочет вспоминать о реакционной Тарговицкой конфедерации 1792 г.), не окажет сопротивления и будущей революции. Надежды эти основывались на том, что социальные вопросы тесно связаны с вопросом независимости и если будущее восстание представит для шляхты гораздо большую опасность, чем прежние, то ведь и угнетение со стороны держав-захватчиков тоже гораздо большее, чем раньше⁴⁰.

Руководители Демократического Общества заявляли, что в независимой стране речь могла бы идти о мирном изменении социального строя, положение же Польши таково, что эта возможность исключена⁴¹.

Постоянные упоминания о «законности», «справедливости», отказ от дальнейшего развития программы на том основании, что Общество не желает захватывать прерогатив, принадлежащих всей нации в освобождённой стране, притупляли революционную остроту программы Общества.

Манифест, правда, провозглашал: «Если бы, однако, необходимые изменения общественного строя и следующая за ним независимость не могли бы наступить без насильственных потрясений, если бы народ должен был быть суровым судьёй прошлого, мстителем за причинённые ему несправедливости и исполнителем безусловных приговоров времени, то мы не принесём в жертву кучке привилегированных счастья двадцати миллионов, а пролитая братская кровь падёт лишь на головы тех, кто в безрассудстве возносит свой эгоизм выше общего блага и освобождения родины»⁴².

Однако всё, что нам известно о взглядах Общества на необходимость национального единства для достижения независимости, убеждает нас в том, что нарисованная в этих строках перспектива пугала Общество, казалась ему равносильной крушению планов восстановления независимости, и, очевидно, эта декларация понималась скорее как провозглашение определённого морального принципа, а не как реальная и принятая установка для действия.

Здесь уместно вспомнить высказывание Лелевеля, типичное и для хода мыслей представителей Демократического Общества: «Произвести предоставление крестьянам собственности насильственной операцией, силой оторвать у панов — какой результат? Помещики при этой угрозе будут скорее оборонять своё, чем родину и свободы, и будут иметь за собой половину народа. Деспотизм протянет опекунскую руку обеим сторонам. Прощай тогда национальное дело, свобода и даже собственность!»⁴³.

Слабые стороны программы Демократического Общества были быстро обнаружены и подверглись атаке как со стороны реакционного помещичьего лагеря, так и со стороны более последовательных представителей демократического направления. Особый интерес представляет критика программы Общества слева. Центром этого направления была эмигрантская колония (громада) «Грундзёндз» в Англии, состоявшая глав-

³⁹ «Demokracja...», str. 12—13.

⁴⁰ Там же, стр. 132—134.

⁴¹ Там же, стр. 135.

⁴² Там же, стр. 13.

⁴³ Цит. по Wł. Grabski «Historia wsi w Polsce», str. 292. Warszawa. 1929.

ным образом из солдат. Идейным вдохновителем критики Манифеста Демократического Общества был Станислав Ворцель, выступивший 2 августа 1836 г. на заседании громады с рефератом «О собственности». В этом реферате, отстаивавшем и обосновывавшем принципы коллективной собственности на средства производства, Ворцель подверг уничтожающей критике орган Демократического Общества «Новую Польшу» («Nowa Polska»), которая пыталась отстаивать принципы «законности» и выдвигала лозунг передачи крестьянам в собственность той земли, которой они владеют. Ворцель показал, что защитник шляхетской собственности М. Накваский, требовавший в изданной в 1835 г. брошюре «O nadaniu własności włościanom polskim» вознаграждения помещиков, по существу более последователен, чем полемизирующая с ним «Нова Польска»; Накваский «считает нынешнюю собственность законной и как законную её защищает. Между тем «Нова Польска» удивительным, произвольным решением ограничивает незаконность земельных владений (помещиков.— И. М.) определённой, постоянной математически отмеренной, для всех относительно равной их частью». Ворцель показал, что «Нова Польска» предлагает реформу, в корне расходящуюся с ею же провозглашёнными принципами равенства, справедливости, законности и т. п. Мастерски рисует Ворцель картину отношений, которые создадутся после проведения предлагаемой Демократическим Обществом реформы, и указывает, что положение крестьянства будет немногим лучше, особенно в случае, если принять предлагаемый газетой (позднее отброшенный Демократическим Обществом) принцип, «чтобы новый собственник ни под каким видом не мог переменить своей собственности, уменьшить её, увеличить, продавать». Ворцель с возмущением восклицает: «Крестьяне! Вот какую собственность обещают вам ваши опекуны!»⁴⁴

Достоин замечания, что реферат Ворцеля и выдвигавшийся им принцип коллективной собственности на средства производства встретил полную поддержку громады «Грудзёндз», т. е. одной из редких среди эмигрантов групп с преобладающим крестьянским составом. Нет сомнения в том, что слушателям реферата Ворцеля была особенно близка именно идея полной ликвидации помещичьего землевладения.

Громада «Грудзёндз» осталась вне Демократического Общества, объявившего настоящую войну социализму. Это не удивительно, ибо с социализмом связывался лозунг, который Общество, надеявшееся на поддержку и сочувствие шляхты и искавшее этой поддержки, оказалось не в силах выдвинуть, — ликвидация помещичьего землевладения. Но влияние Демократического Общества было несравненно более значительным, чем левых групп — громад «Грудзёндз» и «Умань». Когда в 1846 г. обстановка привела к объединению всех демократических групп эмигрантов, авторитет Демократического Общества был так прочен, что оно поглотило руководимую Ворцелем и Лелевелем лигу «Зъєдnocене», став единственной организацией демократических сил.

Авторитет Демократического Общества был велик и в самой Польше. Издаваемая Обществом многочисленными тайными путями литература проникала в страну, завоёвывала демократии новых сторонников, между Обществом и организовавшимися в разных частях Польши нелегальными группами и союзами устанавливался контакт, эти группы превращались в своего рода отечественные филиалы Общества.

Демократическое движение в самой Польше имело, естественно, свои специфические особенности. Во-первых, движение это не могло быть открытым, легальным, провозглашение демократических принципов или гласное обсуждение проблем политического или социального характера

⁴⁴ Реферат помещён полностью в книге Limanowskiego Stanislaw Worcell, стр. 382—391.

было невозможно. Вся демократическая деятельность была деятельностью конспиративной, тайной. Во-вторых, в отличие от эмигрантов демократы на родине имели возможность вести (разумеется, скрыто и исподволь) пропаганду демократических и национально-освободительных идей среди самого народа, крестьянства.

Так создалась своеобразная форма сотрудничества демократической эмиграции с демократами в стране. Задачей первой было в условиях, более благоприятных для обмена мнениями, публикации пропагандистской литературы, ковать то идеологическое оружие, которым пользовались в самой Польше демократы-конспираторы. Из этого не следует, что последние не вносили своей доли в арсенал демократических идей. Однако в силу указанных условий эмиграция создавала основную идеологическую базу польской демократии.

Одной из наиболее крупных демократических организаций, центром деятельности которой была Галиция и активность которой распространялась и на другие польские земли, было созданное в 1835 г. Объединение польского народа.

В начале своей деятельности Объединение пыталось вести демократическую агитацию среди фольварочной шляхты, склоняя её к добровольному отказу от барщины. Безрезультатность этих попыток привела группу членов Объединения к убеждению в необходимости обращаться непосредственно к крестьянству. Один из членов Объединения, поэт Каспер Ценглевич, жил среди крестьян в Самборском повете как кузнец, юрист Станислав Мариновский стал пастухом в Подгальи и т. д. Члены Объединения набирались главным образом из мелкой шляхты; здесь были лесники, сборщики налогов, помещичьи служащие, т. е. люди, постоянно общавшиеся с крестьянством. Агитация не ограничивалась крестьянством, она была распространена и на солдат, особенно перемышльского и ярославского гарнизонов.

Объединение польского народа было не единственной тайной демократической организацией. Параллельно ей действовали ещё более радикальные общества — Молодая Сарматия и Мазурский союз (или Конфедерация)⁴⁵.

Особенно широкий характер агитация приняла, как свидетельствует один из современников, Богданский, «в западной части Галиции и горах, крестьяне подстрекали к настоящему мятежу против шляхты, представляя им перспективу возможности освобождения от её власти, а вместе с тем и от зависимости и барщины, хотя бы насилем, и овладения помещичьими землями»⁴⁶. Тон агитации передаёт также воззвание, ходившее по рукам в Жешовском округе: «Паны никогда не отменят барщины, не отменит её также и император. Разве может немца, сидящего в Вене, занимать судьба польского крестьянина? Помощь может притти только от бога. Но бог не рыцарь, который бы сражался с вашими врагами, не адвокат, который бы защищал ваше дело перед судом, не ваш слуга, который бы вытирал пот с вашего чела... Бог дал вам руки и сталь, чтоб вы сами были своими рыцарями, дал вам разум, чтобы сами защищали своё дело... Да, дорогие братья, только вы сами можете освободить себя от зависимости. Бог благословит вас с неба, если освободитесь. Вас так много, что если бы каждый бросил камень в тех, кто вас угнетает, на горах ваших врагов выросли бы горы»⁴⁷.

Как мы видим, агитация революционных демократов в самой Польше приняла значительно более боевой, решительный характер, чем это предполагалось лозунгами, провозглашавшимися Централизацией.

⁴⁵ Данные о деятельности демократических обществ в Галиции мы даём в основном по книге *Limanowski «Historja demokracji polskiej w epoce porobiorowej»*. Cz. 2, str. 69—79. Warszawa — Kraków. 1922.

⁴⁶ Цит. по *Swietochowski*. Указ. соч., стр. 284.

⁴⁷ Там же.

Надо заметить при этом, что и само крестьянство охотнее всего откликалось на наиболее радикальные лозунги. В Краковской республике, где положение крестьянства в общем было относительно лучшим, чем в Галиции (свобода перехода, частичное очиншевание и т. п.), крестьяне обратились к комиссии держав-опекунов с петицией, заканчивавшейся словами: «Мы просим передать нам за чинш фольварочные земли, иначе мы готовы обратиться к средствам, которые могли бы нарушить общественное спокойствие». В могильском и кшешовицком дистриктах республики крестьяне требовали освобождения от барщины, а крестьяне цистерянского имения в Могиле требовали передачи им фольварочных земель»⁴⁸.

В 1839—1841 гг. австрийские власти провели многочисленные аресты в Галиции. Объединение польского народа, а затем и Молодая Сарматия были разгромлены. Некоторые руководители обществ, среди них основатель Объединения поэт Северин Гошинский, эмигрировали, некоторые из активных участников движения заплатились жизнью: покончили самоубийством Игнатий Кульчинский, Адольф Давид, Коткевич; многие на долгие годы попали в мрачные австрийские застенки — Ценглевич был осуждён на 20-летнее заключение в Куфштейне, Мариновский — на 12 лет, Юлиан Горошкевич — на 6 и т. д.

Движение, однако, далеко не было подавлено. Его руководящие центры находились теперь за пределами Галиции — в Кракове, в великом княжестве Познанском.

Среди руководителей движения в начале 40-х годов особенно выделялся страстный, энергичный, беззаветно преданный идее демократической революции Эдвард Дембовский. Ему были близки идеалы утопических социалистов, но в отличие от большинства утопистов Дембовский сочетал мечту о социалистическом обществе с неутомимой, напряжённой революционной деятельностью. Дембовский требовал отказа от каких-либо попыток вести пропаганду среди помещиков, максимально развёртывая революционную агитацию среди крестьянства. Однако под давлением двух влиятельных руководящих деятелей конспиративной организации — представителя Централизации Теофила Виснёвского и графа Франтишка Веселовского — Дембовский был принуждён отказаться от своей программы действий⁴⁹.

Таким образом, даже Дембовский — наиболее выдающийся представитель польской революционной демократии того времени, вдохновитель Краковского восстания 1846 г. — не смог до конца преодолеть неумолимости программы и тактики Демократического Общества.

Польская демократия, выдвигая крестьянский вопрос в качестве первоочередного по своей социальной и политической значимости, видела в разрешении крестьянского вопроса устранение вековой несправедливости, раскрепощение основной массы польского народа, акт величайшего исторического и морального значения. С решением крестьянского вопроса у польской демократии связывались планы построения нового, более совершенного общественного строя. Таким строем большинство польских демократов считало строй капиталистический, созданный в процессе решительной ломки феодальных отношений, в результате буржуазно-демократической, аграрной революции. Не подлежит сомнению, что для той эпохи эта линия была линией прогрессивного развития и её осуществление имело бы громадное значение не только для судеб польского народа, но и для хода приближавшихся революций в других европейских странах.

Неларом деятельность Демократического Общества положительно оценивалась Марксом и Энгельсом, что нашло отражение в величайшем

⁴⁸ Limanowski «Historja ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r.», str. 39. Kraków. 1913.

⁴⁹ Там же, стр. 41, 54—55, 80.

документе той эпохи: «Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала Краковское восстание 1846 года»⁵⁰.

Рассматривая, однако, крестьянский вопрос в связи с задачей восстановления независимого польского государства и подчиняя его этой задаче, польская демократия в силу неправильного понимания интересов и позиций различных классовых сил в предстоящей борьбе шла на сужение своей программы по крестьянскому вопросу, не давала в своих основных программных документах последовательного, до конца принципиального решения крестьянского вопроса. Этот серьёзнейший недостаток наряду с значительной оторванностью революционно-демократических групп от масс польского крестьянства послужил одной из основных причин тех неудач, которые потерпело демократическое движение, в частности, и в крестьянском вопросе в рассматриваемый нами период.

Крестьянский вопрос встал и перед польскими помещиками, в рассматриваемый период с наибольшей остротой перед помещиками Галиции. Кризис феодальных отношений, стремление преодолеть его, перейдя к новым формам эксплуатации, — такова одна из главных причин возникновения помещичьих проектов разрешения крестьянского вопроса. Однако такие стремления долгие годы ещё разделялись бы небольшой группой помещиков, прежде чем основные слои помещичьего класса преодолели бы рутинную привязанность к старым, отжившим феодальным институтам, преодолели бы страх перед тем, не рухнут ли эти институты полностью при первом прикосновении к любому из них. Определяющим моментом для изменения позиций этих слоёв оказался подъём народного движения, опасность революционного взрыва. Необходимость провести в целях отдаления или устранения опасности революционного взрыва некоторые реформы осознавалась всё более значительными кругами помещиков. Реформы эти объективно должны были способствовать развитию капиталистических отношений, но они замышлялись с максимально возможным укреплением за помещиками феодальных прав, привилегий и т. п. и с минимальными уступками крестьянству. Сами реформы должны были послужить укреплению помещичьего хозяйства за счёт хозяйства крестьянского.

Таким образом, и революционно-демократическая программа решения крестьянского вопроса и реакционно-помещичья, в конечном счёте, при осуществлении должны были иметь своим следствием развитие капиталистических отношений. Но если демократические круги стремились при этом к радикальному уничтожению феодальных отношений, к развитию по образцу Франции, то помещики свой образец видели в Пруссии, дававшей пример приспособления феодальных институтов к новой капиталистической системе. Если для демократов задача была в развёртывании аграрной революции, то для реакционных помещиков — в предотвращении её. Если демократы стремились связать социальную революцию с борьбой за восстановление национальной независимости, то реакционные силы ради своих классовых интересов пресмыкались перед порабошавшими Польшу абсолютистскими правительствами.

Такими предстают перед нами эти две линии в важнейшем, определяющем вопросе общественно-политической жизни польского народа накануне революционного кризиса 1846 — 1848 годов.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», стр. 53. Партиздат. 1937.